

Леся Луговая

Там, где снежит прошлое

«Литнет»

2026

Луговая Л.

Там, где снежит прошлое / Л. Луговая — «Литнет», 2026

Вторая попытка любви, от которой невозможно уклониться... Ольга — блестящий архитектор, поднявшая свою компанию с нуля после болезненного увольнения. Максим — миллионер и создатель элитных курортов, который когда-то был её начальником и самым большим разочарованием. На зимней конференции судьба снова сталкивает их лицом к лицу, а метель запирает в одном пространстве. Старые обиды, неотпущенное желание и новая реальность требуют честного разговора. Сможет ли Оля простить и довериться? Готов ли Максим признать, что не всё можно спланировать? Их история — о боли, страсти, взрослении и силе второй попытки. Этот роман о том, как прошлое может стать шансом на настоящее счастье.

© Луговая Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Оля

— Тебе удобно болтать со мной сейчас вообще? — жизнерадостно и с иронией звучит голос Леры в гарнитуре.

Я разглядываю себя в зеркале гостиничного номера, выбирая между серьгами-кольцами и длинными подвесками. Но Лера, как обычно, не оставляет мне времени на раздумья.

— Оля, соберись. Церемония начнется через пару минут, а я слышу, как ты мечешься по комнате, словно перед экзаменом. Хватит накручивать себя. Иди, отдыхай и наслаждайся.

Я закатываю глаза, хотя она это не видит. Ладно, пусть будут подвески.

— Тоже мне советчица. Ты обычно влезаешь в истории на таких мероприятиях.

Она смеется.

— Ну да, зато мне весело.

Я невольно фыркаю. Ее оптимизм часто вызывает у меня смешанные чувства: он одновременно раздражает и успокаивает. Жаль, что я не могу так же легко относиться к жизни.

— Я просто... не знаю, Лер. Все это кажется странным. А что, если он тоже будет там?

Лера сразу понимает, о ком я говорю.

— А-а, ну конечно. Максим Канев. Тот самый угрюмый миллионер-архитектор. Он стал владельцем элитных курортов, оплатил эту конференцию, но делает вид, что его здесь нет. Ты все еще переживаешь из-за того, что он тебя уволил?

При упоминании его имени по спине пробегает холодок. Дело не в температуре в номере.

— Там все гораздо сложнее.

— Сложнее? — переспрашивает Лера с недоверием. — Оля, прошло уже пять лет. Я думаю, он тогда, сам того не желая, сделал тебе одолжение. Если бы он тебя не уволил, ты бы не начала заниматься тем, чем действительно хочешь.

У тебя теперь свое бюро, своя технология и свои клиенты. Ты больше не зависишь от него и не живешь в его идеальном мире.

— На тот момент он был прав, Лер. Высотки не строят из того, что кто-то уже списал в утиль. Но я...

Я сдерживаю себя, чтобы голос не стал слишком резким..

— Мне нужно было показать, что он не всегда ошибается. Не все, что устарело, — мусор.

— Ну вот, ты и доказала это. Своим бюро, своей работой. У тебя есть заказы. Есть будущее. И больше никакой Максим Канев не решает твою судьбу. — Ее голос теплеет. — Он тебе больше не нужен, Оля.

Я улыбаюсь, хотя обида все еще не отпускает.

— Я вообще о нем не думаю. Я думаю об этой церемонии.

— Конечно, — тянет Лера с ухмылкой. — Именно поэтому ты так нервничаешь, словно тебя снова ждет неловкая встреча с мужчиной, который, возможно, даже не помнит о твоём существовании. И если честно, я не уверена, что верю в вашу химию. Слишком похоже на банальный роман.

— А я верила, — бормочу я и в последний раз оглядываю свое платье.

Черное. По фигуре. Без рукавов. Чуть ниже колена. Для церемонии — в самый раз: элегантно, но без лишнего пафоса. И главное — я чувствую себя в нем собранной. Особенно на этих двенадцатисантиметровых лодочках.

— Да и потом, он был моим начальником. Там изначально все было без вариантов.

Память услужливо подкидывает мне яркую картинку: его синие глаза, взгляд, от которого становится тяжело, четкие губы, спокойно произносящие: «Ты уволена».

Лера не терпится.

— Ну и что. Было и прошло. Ты справишься, Оля. Просто выйди туда, улыбайся и дай этому гордому павлину вариться в собственном величии, пока ты выглядишь лучше всех. А если кто-то спросит про твою работу у него, скажи красиво: мол, это был важный опыт, но тебе нужно было идти своим путем и делать что-то свое. Так... кажется, я сейчас выдала сразу три банальности.

Теперь уже усмехаюсь я.

— Павлин, да? Ему еще и пятидесяти нет. И он, к сожалению, самый красивый мужчина из всех, кого я знаю. Но да, я постараюсь получить удовольствие. — Я смотрю на экран телефона. — Все, мне пора. Начинается.

Голос Леры смягчается окончательно.

— Ты справишься, Оля. Покажи им, кто ты. И не позволяй никому заставить тебя почувствовать себя маленькой.

Я делаю глубокий вдох и выпрямляюсь перед зеркалом.

— В этих каблуках мне это не грозит. Напишу тебе позже.

Я заканчиваю разговор, снимаю гарнитуру и на секунду прикрываю глаза.

С тех пор как Максим Канев меня уволил, я прошла большой путь. Мое бюро пока маленькое, деньги приходят неровно, иногда все держится на честном слове и кофе, но оно мое. Я сама его подняла. И я не позволю никому — особенно ему — заставить меня почувствовать, будто все это ничего не значит.

Только вот узел в животе никуда не девается, когда я выхожу из номера и оказываюсь в оживленном холле эко-курорта «Светлое озеро».

Его курорта.

Этот проект уникален для нашей страны. Он впечатлил меня больше, чем я ожидала. В отделке использованы натуральное дерево, камень и лиственница. Отопление и охлаждение работают на геотермальной энергии. Есть резервная система на водородных топливных элементах.

Здесь нет ни одной вторичной балки, старого щита или панели. Полы выложены светлым камнем, высокие окна выходят на белоснежный карельский снег. В холле висят хрустальные люстры, а широкая лестница украшена мягкими новогодними гирляндами. В воздухе витает запах свежей хвои, корицы и дорогого уюта.

Я направляюсь к банкетному залу, разглядывая гостей. Мы все здесь ради одного — конференции о современных экологических решениях в архитектуре. Сегодня состоится церемония вручения премий за лучшие инновации в проектировании гостиничных и курортных пространств. Максим Канев, хоть и спонсирует конференцию, не участвует в программе. Он не выступает и не ведет мероприятие. Но все равно все ждут его появления.

Я нахожу свой стол. За ним уже сидят семь человек, все из нашей профессиональной сферы. У каждого — своя узкая специализация. Кто-то уже добился успеха, кто-то только начинает. Супруг или партнер ни у кого нет. Причина проста: неудобное время. У кого-то дети на школьных елках, кто-то занимается подарками к Новому году. Время для конференции странное, но мы здесь. Нарядные, вежливые, делаем вид, что не устали, и обсуждаем работу между блюдами.

Сначала речь идет о проектах, затем переключаемся на слухи из отрасли. Мы ужинаем грибным крем-супом, горячим блюдом и десертом — брауни с клюквой. Время летит быстро.

— Сейчас начнется самое интересное, — говорит Мария Брагина, единственная женщина за столом, кроме меня. Она специализируется на экологических интерьерных решениях.

— Думаете, Канев все-таки появится? — с легкой насмешкой спрашивает Петр Руднев, архитектор из Петербурга. Он отпивает вино и пожимает плечами. — Он же отшельник. Никогда не видел его на таких конференциях. Хотя платит он щедро, тут не поспоришь.

— Может, просто ждет идеальный момент, чтобы эффектно войти и всех затмить, — усмехается сидящий рядом со мной Тимур Грачев.

У него, как и у меня, небольшое, но растущее дело. Он дружелюбный и общительный, но в его глазах есть какая-то тревожная сосредоточенность. Мне пока не ясно, нравится это мне или нет.

— Если он здесь, то наверняка прячется в тени и наблюдает, — замечает Мария. — Такие люди всегда стремятся всё контролировать.

Она поворачивается ко мне.

— Оля, ты же вроде работала у него когда-то? Он и тогда был таким же исчезающим начальством?

За столом сразу становится тише. Все взгляды переключаются на меня.

— Ты работала у Канева? — Петр даже подается вперед. — И какой он?

Я медлю. Горло внезапно сжимается. Я ясно осознаю, что говорить о Максиме с посторонними людьми не стоит. Особенно здесь. Особенно сегодня.

Поэтому отвечаю расплывчато:

— Он очень... непростой. Требовательный. У него высокий стандарт ко всему. Мы часто спорили. Мне иногда казалось, что стремление к идеалу мешает движению вперед.

Несколько секунд никто ничего не говорит, но я прямо чувствую, как в воздухе висят невысказанные вопросы.

Ну и пусть.

Я не собираюсь устраивать тут вечер сплетен про Максима Канева.

Поэтому я улыбаюсь и сама меняю тему:

— Его здесь нет, а мы — есть. Так кто из вас поднимется на сцену за своей премией в следующем году?

В этот момент ведущая объявляет начало церемонии, и зал переключает внимание.

Я стараюсь сосредоточиться на происходящем и избавиться от напряжения. Но память возвращается к последнему дню, когда я видела Максима пять лет назад. Наши жаркие споры. Постоянное внутреннее напряжение между нами. И тот удар, когда он меня уволил. Это не забывается. Особенно когда уволит мужчина, которого ты уважала, боялась и хотела слишком сильно.

На огромных экранах идут ролики победителей, зал аплодирует, звучат имена, люди улыбаются в камеры. Постепенно я расслабляюсь, подхватываю ритм вечера. Это помогает отвлечься.

И да, я не стесняюсь признаться хотя бы самой себе: в ближайшие пять лет я тоже собираюсь выйти на такую сцену за своей наградой.

Церемония заканчивается.

Я поднимаюсь из-за стола. Завтра у меня выступление, и мне точно не помешает выспаться.

И тут я его вижу.

Максим Канев стоит через весь зал, у стены. Руки скрещены на груди. Высокий, темный, слишком заметный даже в полутени. На нем черный костюм, и он будто специально держится в стороне, чтобы все равно притягивать к себе взгляды.

На миг я замираю.

Сердце больно толкается в груди.

Наши глаза встречаются.

И меня прошибает так резко, что я сама злюсь на себя. Столько лет прошло, а это дурацкое притяжение никуда не делось. Он опускает руки и делает шаг в мою сторону.

Я быстро отворачиваюсь и иду к выходу. Сегодня я не хочу с ним разговаривать. Поворачиваю в коридор к лифтам и оглядываюсь через плечо. Хорошо, его нет. Но потом я врезаюсь во что-то твердое.

— Оля, — слышу я знакомый голос.

Нет, это не стена. Это Максим.

Глава 2

Максим

Я слежу за конференцией из своего кабинета в курортном комплексе. Это одно из преимуществ, когда все завязано на мне: я могу открыть любую камеру службы безопасности. По залам идет отдельная трансляция — с картинкой и звуком. Это почти как сидеть внутри, только без необходимости находиться в душном конференц-зале и делать вид, что тебе интересно каждое слово. Мне привычнее наблюдать со стороны, из тени, на расстоянии.

Конференция идет гладко. Спикеры укладываются в расписание, сюрпризов нет, гости вовлечены. Все идет как надо. Я отслеживаю отклики с начала и пока не вижу серьезных жалоб. Единственное, что вызывает недовольство, — это время. До Нового года осталось мало, и это раздражает многих, особенно тех, у кого семья, дети и суета конца декабря. Но подстроить расписание под всех невозможно. Эта конференция важна, и неудобное время — часть платы за участие. Люди здесь профессионалы, справятся.

В дверь тихо постучали. Вошла Галина Ранцева. Ее лицо, как обычно, оставалось спокойным. Я указал на кресло. Она знала: такие вопросы я люблю обсуждать лично — так быстрее и точнее.

— Все идет хорошо, — сообщила она. — Гости довольны. Есть недовольство по поводу дат, но это предсказуемо. Персонал справляется. Нового сотрудников к праздничному потоку подготовили хорошо. Мелкие проблемы возникают, но ничего серьезного.

Я киваю.

— Ладно. До дома потом доберутся. Ничего не мешает работе?

— Пока нет, — она смотрит в планшет. — Но погода портится. К вечеру обещают снег. Пока небольшой, но лучше быть наготове.

Я подаюсь вперед и кладу руки на стол.

— Затяжной снегопад?

— Небольшой снег. Циклона нет. Но в Карелии прогнозы быстро меняются, так что следим за новостями.

Я постукиваю пальцами по столу.

— Следи за ситуацией. Если это повлияет на дороги, трансферы или рейсы, сразу сообщи. Нам срывы ни к чему.

— Понял. Все будет под контролем.

Она слегка наклоняет голову — этот жест мне слишком хорошо знаком. Значит, сейчас последует еще один вопрос.

— Ты завтра пойдешь на закрывающую сессию? Жанна Мастерова расскажет о новых решениях, которые мы внедрили в комплексе. Для участников там будут неожиданные моменты. Ты ведь целый год держал это в секрете, пока все не проверили.

Я качаю головой.

— Нет. Мне там делать нечего. Я не хочу тянуть внимание на себя. Речь о «Светлом озере», а не обо мне.

Я на секунду отвлекаюсь, думая о следующем комплексе, который мы скоро объявим — проекте под Кисловодском.

— На анонсе по новому объекту я появлюсь. Но не завтра.

Галина чуть вскидывает бровь.

— Жанна была бы рада, если бы ты пришел в зал. Она не подумала бы, что ты отвлекаешь.

Жанна руководит этим проектом с самого начала и сегодня ведет церемонию. Но дело не в ней. Я предпочитаю оставаться в тени и следить за тем, чтобы все работало как надо. Если я выйду на сцену, внимание переключится на меня, а не на проект. Это мне не нужно.

— Мы оба знаем, что произойдет именно это. Так что нет. Не пойду.

Я отодвигаю эту тему в сторону.

— За погодой смотри внимательно. Мне не нужен бардак в самом конце.

Она встает.

— Поняла.

Я провожаю ее взглядом до двери. Щелчок замка — и кабинет погружается в тишину.

Возвращаюсь к экранам и переключаю камеры. Сессии почти завершены, участники перемещаются по залам, обсуждают кейсы, спорят и общаются. Все идет по плану.

Пока взгляд не цепляется за один экран.

Оля.

Она садится за стол, закидывает ногу на ногу — и меня будто резко бьет током. Тело откликается мгновенно.

Я знал, что она появится. Ее имя значилось в списке спикеров еще до начала конференции. Я был уверен, что она не упустит такую возможность. Она всегда умела оказаться там, где могла продемонстрировать свои способности.

Признаюсь, я думаю о ней гораздо чаще, чем следовало бы.

Вспоминаю наши споры. То, как она упиралась, не уступала, гнула свое, пыталась про-
давить каждую идею до конца.

Я понимал, что она равнодушна ко мне. Она слегка отдергивала руку при случайных прикосновениях. Быстро отступала, когда мы склонялись над чертежами. Она держала дистанцию. Но не знала главного: меня тянуло к ней не меньше. И в этом заключалась проблема.

Она спорила со мной, кипя от гнева, будто готовилась к битве. А я думал не о делах. Мечтал, как мог бы успокоить ее не словами, а поцелуем. Провести рукой по этой буре эмоций, погасить огонь, который всегда пылал в ней. Неправильно? Может быть. Но это была правда.

Она была моей сотрудницей.

На пятнадцать лет младше меня.

Под запретом.

Тогда мы как раз запускали объект на Байкале и параллельно вытягивали еще один большой проект на Алтае. Дел было столько, что я почти не появлялся в московском офисе. Максимум раз в месяц.

Оля пыталась достучаться до меня письмами, просила созвоны, пробивалась через помощниц. А когда я все-таки приезжал в офис, она неизменно находила способ загнать меня в угол — в коридоре, у лифта, у меня в кабинете — и заставляла слушать.

И дело не только в том, что она была упрямой.

В ней было слишком много энергии. Слишком много огня. И это притягивало меня сильнее, чем я хотел бы.

У меня тогда были сжатые сроки по проектам, и я не мог позволить команде отвлекаться. Повторное использование материалов как идея мне нравилось. Но тогда это не было первоочередным. Чтобы делать это качественно, нужны были время, ресурсы, вложения, испытания. Не сейчас, Ольга. Позже. Через год, говорил я ей.

Но она не слушала.

Я начал экспериментировать сам, заражал офис своим азартом. Отвлекал людей, поднимал вокруг шум. Видел, как это расшатывает рабочие процессы, и в какой-то момент остановился.

Уволил ее.

Не потому, что она была бездарна. Наоборот.

Именно поэтому решение далось мне тяжело.

Если бы она просто подождала год, все могло бы сложиться иначе. Но у нее был свой ритм, который никогда не подстраивался под мой.

После увольнения я все равно следил за ее дальнейшим развитием. Не специально, так я себе говорил. Но это была ложь. Я следил осознанно.

Она всегда была хороша.

И сейчас я всерьез рассматриваю возможность выкупить ее бюро. Время настало: рынок готов к полноценному использованию переработанных материалов. Егор, наш операционный директор, уже некоторое время незаметно изучает ее компанию.

Бюро «Новый цикл».

Она еще растет, но потенциал слишком очевиден, чтобы я мог это игнорировать. Как и саму Олю.

Я откидываюсь на спинку кресла, тру виски и делаю глубокий вдох. Становится слишком сложно. Чем больше я думаю о ней, тем больше запутываюсь. Мне нужно держать дистанцию. Это у меня получается лучше всего. Она больше на меня не работает, и с нашей последней ссоры прошло уже пять лет.

Но даже сейчас, когда я просто смотрю на нее через экран, мое тело реагирует слишком ясно. Надо остыть, Канев.

Я резко переключаю внимание.

Начинается церемония, и я вывожу на экран камеру из банкетного зала. Параллельно просматриваю пресс-релиз по новому комплексу под Кисловодском, сверяю медиаплан и расписание встреч с журналистами.

У всех, кажется, всё хорошо.

Кроме меня.

Я медленно веду камеру по залу.

И снова нахожу её.

Оля.

Судя по всему, вечер у неё складывается неплохо. Она разговаривает, улыбается, выглядит спокойной.

Мне стоит подойти к ней.

Поговорить нормально.

Сгладить прошлое. Если я снова хочу работать с ней, вражда нам не поможет. Партнерство — самый быстрый способ получить ее технологию. Если она откажется сотрудничать с группой Канева, я предложу выкупить ее разработки. В любом случае, чтобы она хотя бы заговорила со мной, начинать нужно не с бизнеса. Сначала нужно наладить человеческий контакт.

Да, нужно с ней поговорить.

Это третье и последнее вручение. У меня еще есть время спуститься до того, как зал начнет пустеть. Завтра у нее выступление, после которого она, скорее всего, сразу уедет. В это время все торопятся домой, к празднику.

Я быстро переодеваюсь в темный костюм: черная рубашка и галстук. Не хочу выделяться, но мне нужно поговорить с Олей.

Спускаюсь на лифте и направляюсь к банкетному залу.

Без сопровождения. Без свиты. Лишь сотрудники узнают меня сразу. Я избегаю публичности и до сегодняшнего вечера не появлялся на конференции. Мои люди знают: если я иду один, максимум — короткое приветствие. Никакой суеты.

Я встаю у дальней стены в зале, когда третий победитель завершает речь.

Жанна Мастерова, глава всех моих крупных курортных проектов, завершает вечер: благодарит гостей, желает всем приятного вечера, и зал постепенно пустеет.

Я остаюсь на месте.

Я сливаюсь с фоном, становясь обычным посетителем в костюме или охранником, которому поручили быть незаметным. Мой взгляд прикован к столу, за которым сидит Оля.

Она встает, поворачивается, и у меня на мгновение перехватывает дыхание. Черное платье облегает ее так плотно, что взгляд невольно останавливается. Открытые руки, изящная линия шеи, фигура, от которой внутри все сжимается болезненно и остро.

Она замечает меня и хмурится. Я не успеваю подойти первым. Она резко отворачивается и стремительно идет к другому выходу. Слишком быстро.

Я понимаю, куда она направляется: к лифтам, а затем — в номер. Выхожу через боковую дверь, выбираю короткий путь и оказываюсь в коридоре в тот момент, когда она сворачивает за угол. Она оглядывается через плечо.

Делаю шаг вперед и встаю на ее пути. Она замечает меня слишком поздно.

Глава 3

Оля

Я врезаюсь в Максима Канева.

В ту каменную стену, что однажды меня уволила.

Его сильные руки ложатся мне на плечи, удерживая на месте, и по телу сразу проходит жар — от затылка вниз, по спине, до самой поясницы.

— Осторожно. Оля, ты не ушиблась?

Я чуть отстраняюсь, сердце колотится так, будто сейчас выпрыгнет из груди.

Прекрасно. Весь вечер я только и делаю, что стараюсь о нем не думать. И вот он. Прямо передо мной.

Он убирает руки с моих плеч, но одна ладонь задерживается у моего локтя. Я тут же дергаюсь в сторону. Слишком резко. Голос звучит жестче, чем я хотела:

— Смотри, куда идешь.

Я не могу сдержать раздражение, которое растет во мне с каждым мгновением. Этот дурацкий жар в теле только усиливает его. Я не должна так реагировать. Не должна позволять ему снова проникнуть в меня.

Максим — воплощение силы, уверенности и способности занимать все пространство. Он по-прежнему выше меня, и это заметно даже на моих каблуках. Если бы он не отступил и не схватил меня за плечи в последний момент, я бы врезалась в него лбом.

Он смотрит на меня сверху вниз — как обычно, непроницаемо. Но в его взгляде мелькает что-то необычное. Опасное, слишком живое.

— Пойдем туда, где сможем спокойно поговорить, — тихо говорит он.

Я даже не успеваю возмутиться, как его ладонь ложится мне на поясницу, подталкивая к небольшой переговорной. Хочется оттолкнуть его, послать куда подальше и уйти. Но тело меня подводит. Я слишком остро ощущаю тепло его руки, и мне становится трудно дышать.

Я вхожу в комнату, чувствуя, как сердце бьется прямо в горле.

Да что со мной такое?

Я не боюсь его.

Я зла.

На него. На себя. На все сразу.

Он заходит следом и закрывает дверь. Щелчок замка звучит слишком громко — как будто по команде внутри меня снова вспыхивает злость.

— Ты вообще что творишь, Канев? — бросаю я. — Ты в своем уме?

Он прислоняется к двери и скрещивает руки на груди. Лицо его по-прежнему спокойно, что всегда раздражало меня до дрожи. Но теперь в этом спокойствии есть что-то новое. Что-то, от чего внутри у меня все неприятно сжимается.

— Пытался сделать так, чтобы ты не растянулась на полу, — отвечает он ровно.

— Только не надо делать вид, что ты тут внезапно решил сыграть спасителя, — огрызаюсь я.

Голос на секунду срывается, и я это ненавижу. Пытаюсь взять себя в руки, но это трудно, когда он стоит напротив и ведет себя так, будто между нами никогда ничего не было.

Я глубоко вдыхаю.

— Ладно. Спасибо. Доброй ночи.

Я поворачиваюсь к двери. Он тут же преграждает мне путь. На мгновение его взгляд опускается к моим губам, затем снова поднимается к глазам.

— Я привел тебя сюда не за этим, — говорит он. — Хочу поговорить о том, что было раньше.

Я качаю головой.

— Сейчас? Правда? Ты меня уволил, если ты забыл. О чем вообще говорить?

Его челюсть напрягается. Кажется, он готов взорваться, но голос остается спокойным.

— Ты меня не слушала. Я не говорил, что идея больше не имеет смысла. Просто тогда было неподходящее время. Я ясно сказал: через год.

Я закатываю глаза.

— Я знала, что время пришло. Я занималась этим в свое личное время, а ты даже слушать не захотел.

— Ты успела заразить этим половину офиса, — парирует он спокойно.

— Да, ты уже говорил. — Я сдерживаю раздражение, но оно все равно прорывается. — Только я не понимаю, почему это было проблемой. У всех все шло по плану. Я следила. Никто не бросал работу.

В его глазах вспыхивает что-то, и я понимаю: я задела его.

— Но они начали приходить ко мне и продавливать твою идею. В рабочее время.

— Я знаю. Я проверяла. — Я подхожу ближе, почти вплотную. — Ко мне подошли двое. Сказали, что едва успели начать, а ты сразу их оборвал. На это ушло минут десять, не больше.

— Отвлечение — это отвлечение, независимо от его продолжительности.

Я смотрю на него и стараюсь дышать ровно.

Он продолжает:

— Тогда этого не было в плане компании.

Слово тогда повисает в воздухе, и у меня на секунду сбивается ритм сердца.

Тогда?

То есть сейчас?..

Нет.

Нет. Только не это. Я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Твой драгоценный план, — говорю я с горечью в голосе. — Мне не интересно это обсуждать. Ни прошлое, ни что-либо связанное с тобой.

Получилось не так резко, как хотелось. Скорее, я сама себя убеждала. Главное, чтобы он этого не заметил.

Но Максим не отступает. Наоборот, делает шаг ко мне, не сводя глаз.

В комнате становится жарко. Тепло идет не от батареи, а от напряжения. Пульс стучит в висках, горле, под кожей.

— Тогда что тебе интересно, Оля?

Мне хочется крикнуть, чтобы он держался подальше. Чтобы перестал проверять меня.

— Точно не ты, — отвечаю я. — Никогда не была тобой заинтересована. И сейчас тоже.

Ложь обжигает язык. Я слишком долго избегала правды, чтобы сейчас смотреть ей в лицо.

Максим подходит ближе.

Я перестаю дышать. Воздух между нами почти исчезает. Внутри все кричит: отступить, но я не двигаюсь. Замираю.

— Ты всегда была увлечена, — говорит он тихо, почти шепотом, а потом добавляет, чуть помедлив: — И сейчас тоже.

Его уверенный тон обрушивается на меня двумя волнами: злостью и чем-то, что я годами пыталась подавить. Он слишком близко. Я должна оттолкнуть его, сказать, чтобы уходил. Но мозг словно отключается.

Мои ладони сами ложатся ему на грудь. В следующую секунду я его целую.

Это было жестоко. Жадно. Словно во мне разом взорвались пять лет злости, обиды, желания и бессилия.

Это не нежность.

Это не про любовь.

Это просто голый нерв.

Его руки тут же обвивают мою шею, притягивая ближе. Я сдаюсь. Прижимаюсь к нему всем телом, ощущая его тепло и напряжение под моими ладонями. Это прошибает меня еще сильнее.

Мне плевать на прошлое.

Плевать на причины, по которым я должна его ненавидеть.

Сейчас для меня есть только его рот на моих губах, его дыхание и его тело, в которое я словно снова врезаюсь — но уже совсем иначе. И когда я осознаю, насколько сильно он реагирует на меня, это бьет меня, как пощечина.

Что я делаю?

Я резко отстраняюсь, хватая ртом воздух. Он стоит напротив, темный взгляд, чуть припухшие губы, лицо напряжено — и от этого еще больнее. Мы молчим.

Я смотрю на него, мысли в хаосе. Ненавижу его. Но почему тело не подчиняется разуму? Почему меня трясет от желания?

— Господи, — шепчу я, запуская пальцы в волосы. — Мне это не нужно.

Его лицо почти не меняется, только челюсть напрягается.

— Мне тоже, — тихо говорит он. — Но, похоже, это произошло.

Я теряю способность думать. Поцелуй, жар, напряжение — все сливается в одну мутную волну.

Нужно уйти. Срочно. Завтра у меня выступление, я не могу позволить, чтобы это выбило меня из колеи.

Я обхожу его, иду к двери, не глядя и не проверяя, хватит ли сил промолчать.

— Мне нужно спать, — говорю я спокойно, хотя сердце колотится. — У меня презентация завтра. Нет времени на это.

Не жду ответа. Распахиваю дверь и выхожу в коридор. Иду быстро, дышу глубоко, словно пытаюсь вытолкнуть его из себя.

Жар никуда не исчез. Он по-прежнему между нами, в груди, внизу живота, под кожей. Тело будто проснулось и требует продолжения, а я ненавижу это. Ненавижу, что не могу развернуться и уйти, как должна была.

Я не пойду по этой дороге. Просто не могу.

Вернувшись в номер, я захлопываю дверь и прислоняюсь к ней, жадно хватая воздух. Мне нужно успокоиться. Адреналин все еще бушует в крови, а грудь жжет изнутри.

Достаю телефон. Руки дрожат. На мгновение думаю позвонить Лере, но уже слишком поздно. Не могу вывалить на нее все это сейчас. Не могу притворяться, будто со мной ничего не происходит. Белье уже влажное.

Одно воспоминание о его прикосновениях, о поцелуе — как он держал меня и отвечал — вызывает болезненное томление, требуя повторения. Господи, я могла бы потерять голову из-за этого поцелуя.

Нужно взять себя в руки.

Кладу телефон на тумбочку и иду в ванную. Брызгаю в лицо холодной водой, надеясь, что она прояснит мысли. Трем кожу, словно могу избавиться от того, что только что случилось. Быстро чищу зубы не потому, что это необходимо, а чтобы сосредоточиться на чем-то другом.

Вернувшись в комнату, включаю на телефоне медитацию для сна с дельта-волнами. Вставляю наушники, ложусь в кровать и накрываюсь легким одеялом, стараясь не думать о том, как мое тело все еще горит.

Мне нужно уснуть. Мысли не дают покоя. Последнее, что сейчас нужно, — чтобы тело не отвлекало меня из-за Максима Канева.

Я закрываю глаза и пытаюсь дышать глубоко, ровно, спокойно. Вдох — выдох. Еще раз. Счёт.

Но не получается. Все равно думаю о нем. Его губы, его руки. Как мое тело растворялось рядом с ним.

«Не думай, Оля, просто дыши», — напоминаю себе.

Вдох... Раз, два, три... Задержка... Выдох... Два, три.

Бесполезно. Как завтра выйти на сцену и говорить о своей работе, когда все мысли только о Максиме Каневе?

Хочется ударить его и одновременно затащить в переговорную, сорвать с него одежду.

Я прибавляю звук в наушниках.

Глава 4

Максим

Дверь за Олей тихо закрывается. Я замираю на месте. Такого поворота я не ожидал. Думал, мы снова сцепимся, выскажем друг другу накопившееся, устроим еще одно сражение. Но вместо этого был поцелуй. Поцелуй был резким, жадным, неожиданным. Значит, за ее злостью скрывалась страсть ко мне. Я втягиваю воздух, но легче не становится. На меня наваливается так сильно, что думать трудно. Сдергиваю пиджак, бросаю его на стул, хожу по комнате. Нужно вернуться к себе, но сейчас выходить нельзя. Провожу ладонями по лицу, пытаюсь собраться, но кровь стучит в висках, а пульс бешено колотится в шее.

Нужно переключиться.

Пойду через улицу. Через служебный выход. Так быстрее — до кабинета, а потом до моего люкса. И никто ничего не спросит. Там тихо. Успею прийти в себя.

Я подхватываю пиджак, выхожу в коридор и иду к заднему выходу.

Снег уже валит плотнее. Холод бьет в лицо сильнее, чем я ожидал.

Через боковой вход возвращаюсь в административный корпус и захожу в кабинет.

Я до конца не понимаю, что только что между нами произошло, но одно знаю точно: на этом все не закончится.

Не может закончиться.

Свежий воздух не помог.

Остается душ.

Я выворачиваю кран на холодную, почти ледяную воду.

Раздеваюсь. Прохлада воздуха касается кожи, но внутренний жар никуда не девается. Захожу под воду и стискиваю зубы от холода.

Он должен был отрезвить.

Не отрезвляет.

Оля.

Я стараюсь сосредоточиться на ледяной воде, хлещущей по плечам и спине, но в мыслях только она. Ее губы, ее тело, льнувшее ко мне, ее пальцы на моей груди.

Закрываю глаза и упираюсь ладонью в стену, пытаюсь дышать. Нужно думать о холоде, о том, как вода снимает напряжение. Но я вижу только ее. Ее глаза, ее рот, то, как она ощущалась рядом. Напряжение не уходит, а лишь скручивается туже.

Я больше не борюсь с этим. Мне нужно избавиться от этого безумия, хотя проблема уже не только в теле. Проблема в ней. Я не могу выкинуть ее из головы.

Я провожу рукой по себе, сжимая крепче. Внутри все натянуто до предела: слишком остро, слишком горячо. Перед глазами снова оживает Оля — ее дыхание, ее губы, ее тело. Я представляю, как снова целую ее. Как прижимаю к себе. Как она отвечает мне с такой же жадностью.

Движения становятся быстрее, жестче. Дыхание сбивается. Я слишком хорошо понимаю, что делаю, но уже не могу остановиться. Передо мной снова тот поцелуй. Ее руки на моей груди, ее рот на моем.

Напряжение резко срывается. Я глухо выдыхаю ее имя, и меня накрывает так сильно, что на несколько секунд все остальное исчезает.

Я остаюсь стоять под ледяной водой, тяжело дыша. Сердце все еще колотится, дыхание сбито. Медленно выдыхаю и качаю головой. Что я вообще творю?

Утренний свет пробивается сквозь окна кабинета, но тяжесть после ночи не уходит. Я почти не спал. Мысли не останавливались ни на минуту: ворочался, переворачивал подушку, сбрасывал и натягивал одеяло — бесполезно. Раздражение только росло.

В пять утра уже был в зале. Тренировка вышла жесткой: каждая мышца горела, дыхание рвало легкие. Работал тяжелее обычного, надеясь выбить из себя лишнее. Не помогло. Стало только хуже.

Потом еще один ледяной душ. Тоже не помогло. Быстро позавтракал, заставил себя съесть что-то и рано ушел в кабинет. Сосредоточиться на проекте под Кисловодском, работе, бумагах, задачах было невозможно.

Бесполезно.

Я всегда умел разделять работу и личное, но сейчас это не помогает. Оля не выходит у меня из головы. Ее глаза, губы, ощущение ее близости. Тот поцелуй. Я откидываюсь на кресло и провожу рукой по лицу. Нет времени на это. Проблем и так хватает. Сейчас восемь утра. В Самаре, где Егор на встречах, уже девять. Пишу ему сообщение.

Ты можешь сейчас созвониться? Хочу обсудить, что у тебя по бюро «Новый цикл».

Телефон вибрирует. Егор перезванивает.

— Ничего себе, ты рано, — вместо приветствия говорит он. — Я как раз собирался сам тебе набрать позже.

— Да?

— Забавно получилось. Я только что узнал, что «Новый цикл» ищет финансирование.

Я сразу наклоняюсь вперед.

— Продолжай.

— Не знаю, как долго это тянется, но ситуация ясна: бюро испытывает финансовые трудности. Заказы есть, работа идет, но клиенты платят медленно. Они еле держатся на плаву. Если в ближайшее время не появятся новые деньги, все может рухнуть.

Меня накрывает шквал эмоций. Гордость, вина, раздражение.

Я горжусь ею. Она сильная, талантливая, с нуля создала свой бизнес. Но в то же время я не могу избавиться от чувства, что в ее нынешнем положении есть и моя вина.

Я откидываюсь на спинку стула и тру виски.

Такие истории я уже видел. Сам через это проходил. Небольшие компании часто держатся за самостоятельность, не просят помощи, пока не оказываются на грани. Похоже, она еще не поняла простую истину: в одиночку справиться почти невозможно. Чем дольше тянешь, тем сложнее потом выкарабкаться. У нее огромный потенциал, но если она быстро не найдет внешнее финансирование, ее рост может ее же и погубить.

— Насколько все плохо? — спрашиваю я, хотя ответ и так очевиден.

— Они висят на волоске, — спокойно отвечает Егор. — Но шанс есть. Я уже копнул глубже. Бюро маленькое, но с хорошим потенциалом для роста. Ты можешь войти в капитал, выкупить бюро или предложить партнерство.

В его голосе я слышу невысказанный вопрос. Тот самый, что не дает мне покоя с прошлого вечера.

— Ладно, — произношу я сдержанно. — Ты мой лучший друг. Ты знаешь, что она мне нравилась еще до того, как ушла. И знаешь, тогда я ничего не предпринял. Если ты спрашиваешь, собираюсь ли я вмешиваться сейчас — нет. Я в это не вмешиваюсь.

Только произнеся это, я осознаю, как резко это прозвучало. На другом конце провода повисает пауза. Егор отвечает не сразу, но когда наконец говорит, его голос звучит спокойно:

— Понял. Мне нужно было уточнить. Для бизнеса это выгодный вариант для обеих сторон. Тебе нужна такая экспертиза. Я проверил их репутацию: всё чисто, Максим. У них почти не осталось времени. Ты ведь звонишь именно сейчас, потому что Оля выступает на твоей

конференции, правильно? Ты можешь предложить ей финансирование — аккуратно, без шума — и оставить управление за ней. Не обязательно вмешиваться лично.

Я провожу ладонью по лицу.

— Ты предлагаешь мне вложиться в ее бюро, но не участвовать напрямую?

Егор тихо усмехается.

— Ну да, примерно так.

Я несколько секунд обдумываю его слова. Это могло бы решить проблему. Реально помочь ей. Но снова оказаться с ней в одном деле, даже на расстоянии, кажется шагом в трясину.

Наконец я отвечаю:

— Вот что. Подготовьте предложение по финансированию, но пусть оно идет не от моей основной группы, а через одну из наших строительных компаний. Чтобы меня там не было видно напрямую. Все должно быть максимально тихо. Никакой личной истории, ясно?

Егор, помедлив, отвечает более спокойно:

— Принял. Все сделаем аккуратно.

Я завершаю разговор без лишних слов. Он не облегчил задачу, ничего не упростил. Я вроде понимаю, что делаю, или, по крайней мере, пытаюсь себя в этом убедить. Но внутри все равно сидит желание напрямую поговорить с ней. Исправить то, что осталось сломанным.

Только я уже пять лет прячу это чувство. И сейчас не время. Точно не сейчас.

В десять утра начинается выступление Оли. Я включаю нужный зал на мониторе. Трансляция идет в прямом эфире. Я понимаю, что смотреть это не нужно. Но все равно не могу отвести взгляд. Она на сцене. Спокойная, сосредоточенная, уверенная.

Мой взгляд скользит между слайдами и ею. О деталях своей методики она говорит сдержанно: объясняет, что система оценивает возможность повторного использования металла, дерева и бетона в больших объемах. Экспертные проверки результатов уже проведены, но ключевые технические решения пока не раскрыты.

Она держится прекрасно. Это неоспоримо. Она сильная и умная, гораздо увереннее, чем пять лет назад. Меня раздражает, что я ею восхищаюсь. Но восхищаюсь.

Когда ее сессия заканчивается, я еще несколько секунд смотрю на нее. Она уверенно держит зал, легко и непринужденно. Осознание ее роста тяжело отзывается внутри.

Ветер с силой бьет в окно. Я встаю и подхожу ближе. За стеклом все в снегу. Метель усилилась, намедает больше, чем обещали ночью. Вот только этого мне сейчас не хватало.

Стук в дверь. Входит Галина, как всегда собранная.

— Максим, снегопад усиливается, — говорит она. — Прогноз обновили: в ближайшие часы будет сильный занос. На дорогах тяжело. Мы уже организуем вывоз участников до Петрозаводска на внедорожниках.

— Правильно, — отвечаю я, не отводя взгляда от окна.

— Жанна вот-вот начнет свое выступление. Сворачивать программу? Транспорт прибывает через час, а ее презентация длится около сорока минут.

Поворачиваюсь к ней.

— С рейсами уже есть проблемы?

— Пока нет, но следить нужно постоянно.

Она замолкает, и я понимаю: она уже обдумывает худший сценарий.

Я выдыхаю.

— Скажи Жанне, пусть продолжает. Держи меня в курсе.

Галина кивает и уходит, оставляя меня одного.

Я снова смотрю на экран, и лицо Оли ясно встает перед глазами. Через несколько секунд я выключаю монитор. Внутри меня что-то сжимается, вызывая неприятное чувство. Я чувствую, что этот снегопад принесет перемены.

И не уверен, смогу ли я их контролировать.

Глава 5

Оля

Медитация работает. Шесть часов крепкого сна, полчаса на эллипсе, хороший завтрак — и я снова чувствую себя собой. Голова ясная, я готова к этому дню.

Стою перед зеркалом и собираю волосы в хвост. Всё, хватит отвлекаться. Пора собраться. Пора показать, над чем я работала все эти годы.

Презентация проходит успешно. Я уверенно листаю слайды и объясняю, как быстро проверять пригодность металла, дерева и бетона для повторного использования в больших объёмах. Зал внимательно слушает, хотя я ощущаю лёгкий скепсис. Несколько вопросов, конечно, неприятных, с подковыркой, но я легко справляюсь с ними.

Я знаю этот процесс.

Знаю цену своей работе.

И с результатами спорить тяжело.

Когда сессия завершается, я чувствую удовлетворение. Восторг не обязателен, но меня услышали. Я приехала не для давления, а чтобы оставить след.

Я убираю ноутбук в сумку, когда ко мне обращается мужчина.

— Ольга, меня зовут Руслан Перевалов, я операционный директор сети курортов «Южный берег». Слышали что-нибудь о нас?

Сердце сразу подпрыгивает.

— Да, конечно. У вас премиальные комплексы на Черноморье и на Кавказе.

Руслан улыбается.

— Прекрасно. Я попал туда, куда нужно. Мы планируем масштабную реконструкцию: двести пятьдесят пять коттеджей на нескольких объектах. Хотим обсудить детали. Возможно, пригласим вас в Сочи. Нам интересна как работа с существующими материалами, так и полное перепроектирование. Вы занимаетесь этим?

— Да, конечно.

— Очень хорошо. Нам интересно, как можно обновить объекты без тотальной перестройки. Давайте встретимся на следующей неделе и спокойно все обсудим?

— Да. Можно вашу визитку? Вот моя.

— И вот моя. Буду рад продолжить разговор.

— Я переговорю с соучредителем, и на следующей неделе мы с вами свяжемся.

Голос мой звучит ровно, но сердце колотится как бешеное. Я не могу перестать улыбаться. Он кивает и уходит. Внешне я спокойна, но внутри меня все бурлит. Вот оно. Ради этого мы и трудились.

От радости я звоню Марку Симонову — моему соучредителю. Мы встретились в проектно-бюро Канева, где вместе работали над несколькими коммерческими объектами. Марк был экспертом по техническим осмотрам и всегда знал, когда спросить: «Где у тебя проблема?» А потом предлагал идеи, до которых я бы сама не додумалась. Со временем я предложила ему уйти со мной. У него есть отличные связи в проектной и строительной среде, и я сразу поняла: вместе мы добьемся большего.

— Марк, — произношу я, когда он поднимает трубку, — ты не поверишь. Нас приглашают в Сочи на консультацию по реконструкции. Проект называется «Южный берег». Там будет двести пятьдесят пять коттеджей. Это наш первый крупный проект за пределами Москвы и области.

На том конце на секунду становится тихо, потом он усмехается.

— Я же говорил, что все сдвинется. Чувствовал, что что-то выстрелит.

Мы быстро проговариваем детали, и я слышу, как он сам заводится не меньше моего.

— Слушай, — говорит он, — у меня тоже новости.

— Марк, ты зверь. Почему ты раньше не позвонил? Что там? Еще проекты?

— Не совсем. У меня пока не вся информация, — мягко отвечает он. — Поэтому не писал. Не хотел тебя беспокоить раньше времени и отвлекать перед выступлением. Есть два предварительных предложения по партнерству, но они еще в разработке. Это просто интерес, без деталей.

Я едва не начинаю смеяться от переполняющего меня напряжения.

— Слушай, сейчас самое подходящее время. Не хотела говорить раньше, но если с «Южным берегом» все получится, нам потребуется больше оборудования для тестов. Кто это?

— Не волнуйся. Я же сказал, пока рано. Но есть предложение от компании «Каменный берег» в Екатеринбурге. И еще одно от «Форпост-Строя», они ближе. О вторых я кое-что знаю и, честно говоря, они меня удивили.

— Но там есть перспектива?

— У «Каменного берега» больше возможностей. Они занимаются и проектированием, и активно развивают экологическое направление. А «Форпост-Строй» предпочитает сносить старые здания и возводить новые. У них другой подход.

— Все равно интересно. Очень жду подробности. Ладно, мне надо собираться. Если все пойдет по плану, вечером я уже буду в Москве. Давай после Нового года спокойно созвонимся.

— Давай. И с наступающим тебя. И родителей твоих тоже.

— И тебя, Марк.

Я отключаюсь и всё ещё улыбаюсь.

Если хотя бы часть наших идей сработает, это может стать тем самым прорывным моментом для «Нового цикла», которого мы так долго ждали. Мы шли к этому слишком долго.

Вернувшись в номер, я начинаю собирать вещи. Рейса у меня ближе к вечеру, так что времени достаточно. Внутри легко и светло, словно груз наконец-то свалился с плеч.

Телефон вибрирует.

Я беру его.

Уведомление от авиакомпании:

«Ваш рейс отменён из-за погодных условий. Аэропорт временно закрыт. Новая информация появится после возобновления полётов».

Я несколько секунд просто смотрю на экран.

Что?

Что там еще с погодой?

Открываю прогноз. В Петрозаводске метель даже сильнее, чем здесь, и конца ей пока не видно. Рейсы массово задерживают и отменяют.

В этот момент ветер с силой бьет в окно.

Я приближаюсь. За стеклом темно, почти ничего не разглядеть.

Белая стена.

Прекрасно.

Я достаю телефон и звоню на ресепшен.

— Добрый день. Это Ольга, номер триста восемь. У меня отменили рейс. Я хочу продлить проживание.

Голос на том конце звучит вежливо и виновато:

— Боюсь, продлить именно этот номер мы не сможем. На него уже есть бронь.

Я чувствую, как внутри тут же поднимается раздражение.

— Хорошо. Тогда бронируйте мне любой другой.

— Свободных номеров больше нет. Если кто-то из сегодняшних гостей не сможет добраться до нас из-за метели, мы разместим тех, кто уже здесь. Но гарантий дать не могу.

Мы еще обзваниваем тех, кто не заселился. Сейчас рано: официальное заселение начинается в три часа.

— Что делать тем, кому номеров не хватит?

— Мы организуем дополнительное размещение в банкетных и конференц-залах. Это будет бесплатно, как и питание для таких гостей. Для вас предусмотрено место в конференц-зале «Онего-3».

Я смотрю на часы. Мне скоро освобождать номер. И мысль о том, что я буду спать в одном зале с толпой незнакомых людей, совсем не радует.

— Других вариантов точно нет? — спрашиваю я чуть резче, чем стоило бы.

— Боюсь, нет. Остальные гостиницы в округе в такой же ситуации. Простите.

Я медленно выдыхаю.

— Хорошо, тогда пусть будет «Онего-3». Пожалуйста, сразу дайте знать, если что-то изменится.

Я завершаю разговор, но раздражение остается. Понимаю, что они стараются, но легче не становится.

Нет, в переполненном зале с незнакомыми людьми я не останусь. Если рейс отменили, сама найду замену.

Беру ноутбук, чтобы поискать гостиницы, но он не подключен к Wi-Fi.

Ну конечно.

Пытаюсь открыть сайты с гостиницами через мобильный интернет, но страницы загружаются медленно.

Тогда я звоню Лере.

После второго гудка она берет трубку.

— Оля? — в голосе сразу слышится удивление. Я почти всегда сначала пишу. Просто так не звоню.

— Мне нужна помощь.

— Что случилось?

Я застряла здесь, — говорю, нервно приглаживая волосы. — Аэропорты закрыли, нас не выпускают. Метель оказалась сильнее, чем обещали. Да еще и вайфай пропал.

— Так. Поняла, — голос у Леры сразу становится собранным. Я прямо слышу, как у нее в голове щелкает режим решения проблем. — Тебе надо найти, где переночевать, да? Потому что ехать некуда.

— Паниковать я уже начала, — бормочу я, меряя номер шагами. Мне нужно пространство, а не общий ночлег среди незнакомых людей в этом комплексе. — Перезвони мне, как только что-то найдешь. Я вообще не понимаю, что делать.

— Хорошо. Все, спокойно. Я разберусь.

От ее уверенного голоса мне и правда становится чуть легче.

Я заканчиваю разговор и тут же думаю: надо позвонить маме. Она и Игорь ждут меня на новогодний ужин.

Нажимаю на ее номер в избранном.

— Мам, привет.

— Оля, привет! Как прошло выступление? Ты еще не дома? Вроде говорила, что вернешься ближе к вечеру.

— Мам, поэтому и звоню, — со вздохом отвечаю я. — Все замело. Сегодня я точно не вернусь. И до Петрозаводска сейчас тоже не добраться — людей просят вообще не выезжать без необходимости.

— И когда тебя ждать?

— Пока не знаю. Как только станет понятнее, я сразу напишу или позвоню.

— Ты помнишь, что мы с Игорем послезавтра улетаем в Сочи? — спрашивает она. — К его дочерям.

— Помню. Если я успею вернуться, может, хоть заскочу к вам до отъезда. Не так, как хотелось бы, но хотя бы увидимся. Я и так давно не приезжала, хотя вы совсем рядом.

— Ты слишком много работаешь, — мягко произносит мама. — Если сможешь, приходи хотя бы на поздний завтрак. Когда ты рассказала мне о конференции, я сразу заметила: устраивать такое мероприятие прямо перед праздником мог лишь человек без чувства самосохранения.

Я невольно усмехаюсь.

Да, это в духе Максима. Сначала дело — остальное потом.

— Спасибо, мам. Передавай Игорю привет. Я напишу, как только что-то узнаю.

— Давай, дорогая.

Я сбрасываю звонок и падаю на кровать.

За окном ветер воет без остановки.

Через час я получаю сообщение от ресепшена. В рассылке говорится, что из-за метели выезд затруднен, еды в комплексе хватает, а для тех, кто не может уехать, подготовили места в залах.

Я уже собираюсь выйти, когда телефон снова вибрирует.

Это Лера.

Я сразу отвечаю, хотя мысли все еще хаотично скачут.

— Да?

— Оля, ты не поверишь, — говорит она, и в голосе чувствуется подъем настроения. — Я обзвонила кучу мест и... в общем, дешевле не нашла.

— Логично, — бормочу я, потирая глаза. — Ну что ж. Значит, ночью на раскладушке в зале. Справлюсь.

Лера смеется.

— Я не говорила, что вариантов нет. Я сказала, что они не дешевые. У меня есть знакомая, которая нашла номер в бутик-отеле в городе. Это дорого, но комната там точно есть. Ее будут держать всего пару часов. Это твой единственный шанс.

Облегчение накрывает сразу.

Своя комната.

Никакой раскладушки.

— Отлично. Скинь мне адрес. Я выезжаю.

— Уже отправляю. Не переживай. Я тебя не брошу.

Я улыбаюсь. Лера всегда быстро наводит порядок, когда вокруг хаос. Но, подходя к двери, слышу, что метель усилилась. Ветер завывает, словно хочет выбить стекла, а снег кружит белыми вихрями. До города полтора километра.

Я вообще туда дойду?

Я выхожу в коридор, решив хотя бы попробовать.

И вижу его.

Максима.

Я замираю.

Он стоит в коридоре, смотрит в телефон и явно о чем-то думает. Сначала меня не замечает. Потом поднимает глаза, и выражение его лица меняется. Он идет ко мне, не отрывая взгляда.

— Оля, — говорит он тихо.

— Максим.

Я стараюсь звучать ровно, но выходит плохо. Пульс тут же подпрыгивает, и я снова вспоминаю прошлую ночь.

— Тебе дали раскладушку, — замечает он. — Это лучше, чем спать в холле, но, честно говоря, не очень.

Я моргаю, не сразу понимая, шутит он или нет.

— Да. Но я как раз собиралась в бутик-отель неподалеку.

Максим чуть хмурится.

— В какой?

Я смотрю в телефон.

— Сейчас... Лера нашла. «Старая карета».

Он качает головой.

— Как ты туда доберешься? Это очень далеко. Пешком точно не вариант. В такую метель это просто самоубийство. Разве что на снегоходе, но и на нем я бы сейчас не рискнул..

Я прикусываю губу.

— Значит, все-таки «Онего-3».

Он переминается с ноги на ногу, будто сам не уверен, что собирается сказать дальше.

— Я могу предложить более уединенное место. Оно будет удобнее общего зала.

Я медлю. Меньше всего на свете мне хочется хоть что-то быть должной Максиму Каневу.

Но у меня нет сил снова спорить.

— Ладно, — говорю я коротко. — Спасибо.

Он кивает.

— Пойдем за мной.

Выбора у меня почти нет.

Я иду за ним по коридору.

Глава 6

Максим

О чем я думаю?

Веду Олю к своему кабинету. В голове хаос, с каждым шагом становится тяжелее. Кажется, снаружи метель, а внутри меня бушует буря.

Я сказал Егору, что это только работа. Обещал не вмешиваться. И вот я веду Олю по коридору. Почему я предлагаю ей свой люкс, если она взрослая и может позаботиться о себе?

Из-за вины.

Вот из-за чего.

С утра я ощущаю беспокойство, оно не покидает меня. Разговор с родителями был коротким, но даже он вызвал тревогу. Я знаю: они будут огорчены.

За последние пять лет я пропускаю Новый год уже четыре раза. Они привыкли. И это самое тяжелое — их готовность смириться с тем, что, по сути, не должно приниматься.

Я до сих пор помню, как у мамы изменился голос, когда она сказала:

— Может, в следующем году, Максим.

Тяжело.

Они все понимают, и это только усугубляет ситуацию. Осознают, что я не могу одним щелчком пальцев разогнать метель. Что деньги не даруют власть над погодой. Хотя мама этого не произнесла вслух, я уверен: они одновременно гордятся мной и грустят, что я вновь устроил работу прямо перед праздником. И это их спокойное прощение давит на меня еще сильнее.

Я только что завершил разговор с ними и стоял, обдумывая свою вину, когда заметил Олю в коридоре. Конференция почти закончилась, буря разыгралась, и все, кто не уехал до десяти утра, остались здесь.

Она стояла с собранными вещами и выглядела... потерянной.

Не сломленной. Не жалкой. Просто так, будто на секунду не понимает, куда теперь двигаться.

Я не собирался ничего ей предлагать. Вообще. Но я увидел ее — и не смог спокойно оставить ночевать в общем зале с чужими людьми и частью ее прямых конкурентов.

О чем я вообще думаю?

Пытаюсь убедить себя в том, что это разумно. У меня есть номер люкс, а у нее нет места. Вот и все. Я просто поступаю практично. Она не беспомощна, и я делаю это не из жалости.

Но я обманываю сам себя.

И прекрасно об этом знаю.

Егор бы сразу заметил и указал мне на это.

Мы доходим до кабинета. Я открываю дверь и жестом предлагаю ей войти. Внутри прохладно. Я включаю свет и держу дверь открытой, но она заходит не сразу.

— Так, — тихо говорит она, и я слышу в этом слове настороженность.

Она останавливается у стола и смотрит куда угодно, только не на меня.

Я не жду доверия, и на её месте я бы тоже не доверял.

— Понимаю, ситуация необычная. Из-за метели все застряли, и комплекс полон. Здесь тебе будет спокойнее, чем в переполненном зале. Это правда.

Она не отвечает. Осматривает кабинет, будто ищет подвох.

Скепсис между нами почти можно потрогать руками.

Я прислоняюсь к столу, засовываю руки в карманы и стараюсь говорить ровно.

— Я предлагаю это без жалости, Оля. Обстоятельства вынуждают. Я не стремлюсь выглядеть благородным. Сейчас это просто разумный выбор.

Вышло резче, чем хотел. Слишком оборонительная позиция. Но я не отказываюсь от своих слов. Стараюсь держать дистанцию. Пытаюсь всё контролировать.

Только контроль снова уплывает.

Наконец она поднимает на меня взгляд, но молчит. Плечи у нее напряжены. Она мне не верит.

Я ее за это не виню.

Я киваю в сторону двери.

— Люкс там. Проходи, устраивайся. Насколько это вообще возможно в такой ситуации.

Она не двигается.

Потом тихо спрашивает:

— Подожди. Я думала, ты предлагаешь мне диван в кабинете. Ты предлагаешь мне... свою спальню?

Я невольно усмехаюсь.

— Не стану же я укладывать тебя на диване. Я сам останусь здесь. Ванная отдельная. У тебя будет своя. Я устроюсь в кабинете.

Ее лицо чуть смягчается, и я вижу, как внутри у нее идет борьба. Наверное, она все еще думает, что это какое-то странное проявление жалости. Может, отчасти так и есть. Но сейчас мне уже все равно.

— Спасибо, — говорит она тихо.

В голосе слышится облегчение, хотя поверх него все еще лежат растерянность и недоверие.

— Ладно, я тебя оставлю, — отвечаю я. — День у тебя и так вышел тяжелый. Отдохни. На кухне в люксе есть еда, можешь брать все, что хочешь. Рум-сервис пока остановили — все заняты расселением и логистикой. Мне надо обратно. Остальное потом решим.

Я уже собираюсь выйти, когда слышу за спиной:

— Максим...

Она начинает и замолкает.

Я останавливаюсь, держась за ручку, и оборачиваюсь. Она смотрит в пол, и я вижу: ей хочется что-то сказать. Но она не готова.

Я жду секунду.

Потом открываю дверь и тихо закрываю ее за собой.

О чем я вообще думаю?

Я иду обратно по коридору, и ощущение тяжести только усиливается. Снаружи метель воет как ненормальная, но это ерунда по сравнению с тем, что творится у меня в голове. Мне нужно удержаться. Не расползтись. Не выйти за рамки.

Только рядом с Олей все всегда становится сложнее.

А потом, когда мне уже кажется, что хуже сегодня не будет, во всем комплексе вырубается электричество.

Естественно.

Кухонный генератор заводится сразу, без сбоев. А второй — тот, что должен держать остальную нагрузку, — нет. Мне докладывают, что в резервном дизель-генераторе вода попала в топливную систему, и без техника из города его быстро не поднять. А техника сейчас не доставить. Дороги заметены, на снегоходе ночью в такую погоду тоже никто не поедет. Значит, раньше утра помощи можно не ждать.

Отлично.

Пока нас выручают фонари. И я очень надеюсь, что запасных аккумуляторов хватит. Хорошо еще, что по всему комплексу расставлены светодиодные свечи. Обычно я считаю их безвкусными, но сейчас они к месту. Галина уже растащила часть по старшему персоналу. У

каждого руководителя здесь есть свой служебный люкс, и сейчас это, как ни странно, оказывается спасением: часть сотрудников из города уже ночует у них.

К семи вечера я делаю все, что могу на сегодня.

Персонал держится.

Гости более-менее размещены.

Если верить прогнозу, метель стихнет только к утру. Тогда выйдут снегоуборщики, расчистят подъездные дороги, и, возможно, заработают аэропорты.

Возможно.

Хорошо хоть кухня на генераторе. Все накормлены, есть горячий кофе, чай, какао. Из запасов индейки приготовили ужин и собрали коробки с горячей едой. Я беру на кухне две такие коробки и медленно иду к своему люксу.

Останавливаюсь у двери.

Там Оля.

Мне нужно пространство.

Я разворачиваюсь, прохожу дальше по коридору и вхожу в кабинет с другой стороны.

На столе замечаю одну из этих нелепых светодиодных свечей. Дверь в люкс приоткрыта, а Оля тихо спит на диване в кабинете, свернувшись калачиком с книгой на коленях.

Осторожно подхожу ближе, стараясь не издавать ни звука. Направляю луч фонаря на обложку.

Акунин. «Азazel».

Значит, когда свет вырубился, она успела дойти до библиотечного шкафа в холле.

Я осторожно касаюсь ее плеча.

— Оля.

Она шевелится.

— Что ты здесь делаешь? Ты ела?

Она моргает, поднимается, пытаясь проснуться.

— Я взяла сэндвич, — говорит она тихо, почти хрипло. — Но, если честно, есть не очень хочется.

Я прислоняюсь к столу и скрещиваю руки.

— Тогда почему ты спишь тут?

Она быстро смотрит в сторону двери в люкс и отвечает не сразу.

— Максим, мне неудобно выгонять тебя из твоей спальни. Тебе тоже нужно отдыхать, — произносит она, выпрямляясь. Затем вздыхает, и в голосе появляются теплые нотки. — Когда свет погас, я просто пошла за книгой. Это настоящий хаос. И мне стало стыдно сидеть здесь в тепле и тишине, когда другие ютятся на раскладушках в залах, стоят в очереди в душ при спортзале и пытаются умыться в общих санузлах.

Я сам не понимаю, почему внутри от этих слов вдруг что-то неприятно скручивается.

— Я принес горячий ужин с кухни, — говорю спокойно. — До праздничного стола еще далеко, но там рыбка и еще есть брауни. Хочешь поужинать?

Если она откажется, съем обе коробки.

Я иду в люкс.

У меня есть одна привычка: я не люблю есть из упаковки. Будь то изысканный ужин или простой бургер, мне нужно разложить еду на тарелке. Я ставлю фонарь на маленький обеденный стол, достаю еду из коробок и аккуратно раскладываю по тарелкам.

Некоторое время стоит тишина.

Только ветер за окнами беснуется.

Потом Оля приносит из кабинета светодиодную свечу и ставит ее на стол. Садится. Я опускаюсь напротив.

Мы едим молча.

Я голоден.

Судя по тому, как быстро начинает есть она, тоже.

Я заканчиваю первым и откидываюсь на спинку стула, глядя на нее. Мерцающий теплый свет делает комнату почти домашней. Почти интимной.

Но я уже слишком хорошо знаю, чем опасно придавать этому значение.

— Максим, — говорит она, нарушая тишину.

И поднимает на меня глаза.

Ясные. Живые. Слишком живые.

Все.

Я влип.

Пытаюсь сохранять спокойствие. Сажусь напротив Оли, а она словно заполняет собой всё пространство. Голова тут же подкидывает ненужные образы.

Резко встаю, хватаю пустые тарелки и иду к раковине. Любое действие, лишь бы не смотреть на неё слишком долго.

Не надо было приводить ее сюда.

Надо было держать дистанцию.

Надо было.

Но теперь поздно. Она здесь. В моем пространстве. И я совсем не хочу просить ее уйти.

Я ставлю тарелки в мойку.

И снова слышу ее голос.

— Наверное, мне лучше все-таки уйти в общий зал. Моя раскладушка там никуда не делась, — говорит она. — Спасибо за ужин. И за то, что днем здесь было тихо.

По ее тону ясно: она почти приняла решение. Но с места не двигается. Ждет, что я скажу еще что-то? Остановлю ее? Разрешу остаться? Я не могу. Не должен.

Я поворачиваюсь к ней, опираясь руками о столешницу.

— Я не хочу, чтобы ты уходила. Но усложнять нашу с тобой ситуацию тоже не хочу.

Она долго смотрит на меня. Выражение лица у нее непроницаемое, но по напряженной челюсти видно: ее тоже все это треплет.

Мы оба застряли в этом.

Просто я — тот, кто дольше делает вид, будто от всего этого можно убежать.

— У тебя есть место здесь, Оля, — говорю я. — Я сплю на диване. Кровать — твоя. Я не отправлю тебя на раскладушку.

Она отвечает не сразу. Просто сидит и смотрит на меня.

Я устало тру лицо.

— Давай просто переживем эту ночь. Одну ночь. С этим можно справиться.

Я отворачиваюсь к раковине, ополаскиваю тарелки, чтобы отвлечься, и пытаюсь прогнать навязчивые, слишком яркие мысли.

Нет.

Я не собираюсь делать это.

Не с ней.

Глава 7

Оля

Он поворачивается ко мне спиной и начинает мыть тарелки.

Я, похоже, схожу с ума.

Меня заводит мужчина, который просто стоит у раковины и моет посуду?

Я никогда не видела его таким усталым. Таким настоящим. Без привычной брони, без ледяного спокойствия. Этот почти недостижимый мужчина вдруг оказывается живым, уязвимым.

Я хочу его. Прямо сейчас. Не уйду. Подхожу сзади и обнимаю за талию. Он сразу напрягается. Затем медленно оборачивается.

— Оля. Не...

Я не даю ему договорить и впиваюсь в его губы.

Жестко. Жадно.

Прижимаюсь к нему всем телом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.